

АВТОРЫ-СОСТАВИТЕЛИ
АЛЕКСАНДР КОЛПАКИДИ
И СЕРГЕЙ АЛДОНИН

ПЁТР СТОЛЫПИН, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ, КАК ЛУЧШЕ

Русская история

Сборник

**Петр Столыпин,
который хотел как лучше**

«Алисторус»

2022

УДК 82-94
ББК 85.374

Сборник

Петр Столыпин, который хотел как лучше / Сборник —
«Алисторус», 2022 — (Русская история)

ISBN 978-5-00180-762-9

Хорошо известна мифология, посвящённая Петру Столыпину - политику, которого принято идеализировать. А каким он был в действительности? Какое политическое наследие оставил? Насколько эффективны были его экономические реформы? Авторы этой книги - историки XXI века и современники Столыпина - отвечают на эти вопросы с опорой на факты. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94

ББК 85.374

ISBN 978-5-00180-762-9

© Сборник, 2022
© Алисторус, 2022

Содержание

От составителей	6
Часть 1	7
Александр Колпакиди, Сергей Алдонин	7
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Пётр Столыпин, который хотел, как лучше

Авторы-составители Александр Колпакиди и Сергей Алдонин

© Колпакиди А... 2022
© Казанина Л.
© Портнягина Н.
© Анфимов А.
© Стогов Д
© Снитковский В.
© Кемеров И.
© ООО «Издательство Родина», 2022

От составителей

Мы включили в эту книгу и свидетельства современников – и тех, кто, как Сергей Витте, считался непримиримым противником Столыпина, и тех, кого числили среди его союзников, как Владимира Гурко. Поиск объективной правды требует широкой картины – и она, как мы увидим, оказалась далёкой от идиллического образа Столыпина-богатыря, последнего рыцаря самодержавия, который мог бы повернуть историю в новое русло без войн революций.

Часть 1

Историки

Александр Колпакиди, Сергей Алдонин

А был ли гений?

Он вошёл в моду на излёте 1980-х, когда разрушался Советский Союз. В Столыпине видели альтернативу красному проекту. Вкратце дело объяснялось так: если бы Столыпин не погиб в 1911 году, если бы он дожил до 1917 года – может быть, Россия не совершила бы столько ошибок в Первую Мировую, и монархия не распалась бы под революционными ударами февраля и октября. В крайнем случае, в нём видели эффективного руководителя белого движения, самого энергичного и действенного из русских правых, эдакого «генерал Пиночета», который мог бы возглавить страну. При этом, никто не учитывал, что Столыпин к 1911 году уже терял силы, союзников и доверия императорской семьи. К тому времени он стал почти изгоем. Но попытаемся рассказать обо всём подробнее.

Миф о «спасителе России»

В апреле 2022 года проспект Кирова в Саратове переименовали в честь Петра Столыпина – бывшего министра внутренних дел и первого министра Российской империи в 1906–1911 годах. До этого Столыпин три года, в 1903–1906 годах служил саратовским губернатором. Это не рядовое событие. Здесь можно говорить о важнейшей тенденции, которая зародилась в нашей стране в 1988 – 89 годах, в горбачевские перестроечные годы и, к сожалению, стала весьма модной в современной российской политической элите. Эта тенденция оказывает заметное, если не решающее, влияние на наш сегодняшний день. Кто учится у банкротов, для кого образцами стали проигравшие – тому вряд ли по плечу победы, прорывы – в науке, в социальной политике, в реформах, в дипломатии... А Столыпин не был победителем ни в большом, ни в малом. Ни тактическим, ни стратегическим. Второй важный фактор: культ Столыпина возник не в народе, он навязан из высоких кабинетов. Чиновникам, конечно, лестно считать героем своего собрата, фантастически богатого и респектабельного господина... А достижения? Что ж, если их практически не было – их можно раздуть из мыльных пузырей.

Пётр Столыпин

И потому нам стоит вспомнить некоторые реальные факты, связанные с делами и словами чиновника, который в последние годы стал символом несостоявшейся «антибольшевистской альтернативы» в истории русского XX века.

Своей карьерой Столыпин был обязан, в первую очередь, аристократическому происхождению и богатству, унаследованному от предков. Он родился в неблагополучной семье: родители будущего премьера расстались. Но для властей важнее было другое: родовитость (дворянский род Столыпиных известен со времен Ивана Грозного) и состоятельность (Столыпины с давних пор не гнушались никаким бизнесом, включая торговлю водкой). Консерваторы, окружавшие Николая II, намеревались укрепить расшатанную систему власти именно такими кад-

рами – представителями старой аристократии, которой в высшей степени было что терять в случае социального потрясения. К тому же, со студенческих лет, изучая агрономию, Столыпин загадочными нитями был связан с полицией, с министерством внутренних дел. Его экономические воззрения были либеральными, Столыпин был сторонником ускоренного развития капитализма в России, сторонником частной собственности на землю. В то же время, он смолоду выступал за жесткое подавление любого вольнодумства и был готов «делать карьеру».

На пост губернатора Столыпина «протолкнул» министр внутренних дел Вячеслав фон Плеве – и не случайно. До этого сорокалетний Столыпин год губернаторствовал в спокойной западной Ковенской губернии (в то время литовский Каунас назывался Ковно). А Саратовский край славился тем, что ее столица была городом с давними революционными традициями, а многонациональные и многоконфессиональные сельские уезды (там проживали немцы, татары, старообрядцы) были склонны к так называемым «аграрным беспорядкам».

Так называли законные требования малоземельных крестьян к начальству, их жалобы на помещиков, нередко выливавшиеся в демонстрации и поджоги господских домов. Волна таких восстаний прошла по Саратовской губернии в 1902 году – обратим внимание, это было до событий 1905 года, что доказывает глубокую обоснованность революционных событий. А Столыпина Плеве считали образцовым «охранителем», давно связанным с полицией. И министр готов был поддерживать такого губернатора – главным образом, деньгами и штыками.

Оказавшись в Саратове, Столыпин, в сопровождении казаков, объездил бунташные уезды. Его принято считать мужественным, нестигаемым человеком, сильной личностью, но то, что он увидел в уездах, не просто поразило, а напугало Столыпина. Он увидел такие настроения, которые могли через год – другой смести с лица земли всё российское самодержавие. В этом смысле Столыпин был трезвым человеком: он не приукрашивал сложившегося положения. Миф о благополучии «России, которую мы потеряли» придумали гораздо позже...

Был ли он готов к губернаторской службе? К сорока годами Столыпин, получивший образование агронома, по профессии не работал. У него имелся высокий придворный статус (он был камер-юнкером, затем камергером), но они бесконечно далеки от хозяйственных и социальных проблем. Да и бывал он в столице редко. Почти все время до назначения губернатором Столыпин был уездным предводителем дворянства в Ковно, неподалеку от своего богатого имения в Колноберже, которое обожали его жена и дети. Жил в свое удовольствие. Должность предводителя дворянства (помните, ее занимал литературный герой Киса Воробьянинов?) – по существу, общественная, хотя они считались и опорой трона на местах. Но никакой ответственности за экономику уезда он не нес. Серьезного хозяйственного и политического опыта не имел. Повторим: высокое назначение Петр Аркадьевич получил на 90 процентов – благодаря знатному происхождению и протекции, на 10 процентов – потому, что Плеве считал его физически сильным и здоровым человеком (на самом деле – ошибочно, болезней у Столыпина хватало).

В официальной, канонической истории столыпинского губернаторства в Саратове подчеркивают, что он развернул в городе «небывалое» строительство. Сильнейшая натяжка! Городскими вопросами он занимался не более года, да и тогда больше времени посвящал умирению крестьянских волнений. Что касается строительства учебных заведений и глазной больницы – они строились за счет энтузиастов-мecenатов, и начались эти стройки задолго до приезда Столыпина в Саратов. Он к этим проектам (между прочим, сравнительно скромным) не имел никакого отношения. Другое дело, что за первые полтора года службы Столыпина в Саратове были подготовлены два респектабельных здания – новый просторный губернаторский дом и здание губернских канцелярий, в котором работал Столыпин. Дело в том, что его (а особенно – его семью) после прибалтийского великолепия не устраивал достаточно простая саратовская губернаторская резиденция. Они не пожелали там жить. За счет казны для Столыпина срочно выкупили недостроенную усадьбу состоятельного мукомола Константина Рейнеке

– и превратили ее в настоящий губернаторский дворец. Можно ли считать эти объекты большим достижением губернатора? Вряд ли. Скорее можно говорить об элементарном желании состоятельного аристократа и его семьи поддерживать привычный роскошный уровень жизни. В Саратове это было непросто, но у них получилось.

Совсем смешно, когда Столыпина называют основателем Саратовского университета. Он был основан, когда Столыпин был уже премьер-министром. Да, он поддержал идею открытия этого учебного заведения, и подобострастная городская дума наградила его званием почетного гражданина. Но занятия в университете так и не начались, с горем пополам действовал только один факультет – медицинский, на котором учились менее ста студентов. А настоящий университет в Саратове заработал только в советское время, о чем сегодня вспоминать не принято.

Первым делом Столыпин потребовал от Петербурга побольше денег. Во-первых, чтобы показать себя рачительным хозяйственником, во-вторых – чтобы получить эффективные инструменты для подавления не только крестьянских восстаний, но и любой оппозиции. Благодаря протекции Плеве эти деньги удалось получить – и около миллиона рублей на благоустройство мостовых и водопровода, и полмиллиона на укрепление полиции, ее агентов и шпииков. Полиция, конечно, была для губернатора значительно важнее.

Она помогала учинять расправы над крестьянами, учащимися и рабочими. В 1903-м Столыпин считал, что ему удалось остановить волну забастовок и «аграрных беспорядков». Но в 1905 году ситуация стала для губернатора катастрофичной. «Олинька моя, кажется ужасы нашей революции превзойдут ужасы французской. Вчера в Петровском уезде во время погрома имения Аплечева казаки (50 чел.) разогнали тысячную толпу. 20 убитых, много раненых. У Васильчикова 3 убитых, еще в разных местах 4. А в Малиновке крестьяне по приговору перед церковью забили насмерть 42 человека за осквернение святыни. Глава шайки был в мундире, отнятом у полковника, местного помещика... А ещё много прольётся крови», – растерянно писал Столыпин супруге в разгар событий 1905 года. Что же случилось в Малиновке?

В октябре 1905 года в Саратовской губернии произошла знаменитая резня. «27 октября 1905 года утром более ста подвод со всей Малиновской волости направились на хутор Сусанова. Когда подводы приблизились к хутору, землевладелец сбежал. Крестьяне сбили замки с амбаров. Зерно выгребали и в мешках, и россыпью. До обеда направили в Малиновку, Бахметьевку, Сафоновку и Песковатку 180 подвод с зерном, после обеда – более 200 подвод с зерном в другие села и деревни волости. После разграбления, хутор сожгли.

Студент Пётр Столыпин

Днем полковник Н. Д. Свиридов телеграфировал из Салтыковки губернатору П. А. Столыпину: „Сего числа по донесению Малиновского волостного правления восемьдесят подвод села Малиновки и деревни Песковатки отбыли в Балаиовский уезд на хутор Сусанова с преступными намерениями“. Сам Сусанов телеграфировал губернатору уже из Ртищева: „Грабят, жгут имение удельного ведомства Мещеряковской волости Прошу помощи. Выгнали всех“.

Вечером было проведено совещание в доме Синева. Избран Совет действия, установлена связь с окружающими селами. Принят развернутый план и выделены ответственные.

Утром 28 октября бунтовщики разграбили и сожгли имения помещицы Бон (Червяковой), находившееся в 320 метрах от железнодорожного разъезда Платицинский (возможно, Софьино), и Дружинина, имение которого располагалось близ деревни Песковатки. Всего зерном и мукой загрузили 500 подвод. Кроме того, из господских конюшен безлошадным крестьянам раздали лошадей. В имении Бон бунтовщики также захватили много огнестрельного оружия. Разграбление имения Бон происходило на глазах шестерых солдат, присланных для охраны разъезда. Солдаты хотели дать по бунтовщикам залп, однако им запретил это делать унтер-офицер, так как не имел соответствующего распоряжения от начальства.

Вечером того же дня часть бунтовщиков отправилось в село Каменный Враг (Каменка) Балашовского уезда, другая разграбила и сожгла имение Симоновой в Новопавловке. Из имения Симоновой всех коров увели в Малиновку, где их зарезали и поделили.

В тот же день были разгромлены имения Н. Н. Лихарева в Уваровке, Свиридовых в Бахметьевке, Крузо, Епишевского, Лещева, Кривской в Борках и других местных землевладельцев.

В восстание включились села и деревни до восьми волостей трех смежных уездов – Сердобского, Балашовского и Аткарского. Полковник Свиридов телеграфировал губернатору П. А. Столыпину: *„Движение разворачивается, сожжено имение Бон. Пожар в Малиновке. Волостное начальство спаслось бегством. Необходимы войска“*.

В ночь с 28-го на 29 октября в Малиновке были сожжены дома церковного причта (священника и дьякона). Провокация была частью плана действий по подавлению восстания, который приняли reactionеры на собрании, состоявшемся 27 (28) октября, в имении помещицы Свиридовой. На собрании присутствовали местные помещики – Н. Н. Лихарев (бывший земский начальник 8-го участка Сердобского уезда), Десницкий, И. С. Симонов, духовенство – священник малиновской церкви Николай Николаевский, псаломщик Кирилл Архангельский, дьякон Дмитрий Селезнев, хлеботорговцы (например, Белоусов), лавочники, полицейские, зажиточные крестьяне, а также полковники В. А. Янишевский и Н. Д. Свиридов, назначенный земским начальником.

Согласно принятому плану, волостной старшина В. С. Панкрашкин выехал в Змеевку и Ерышовку, а староста Иван Власович Гурьянов – в Бахметьевку, Сафоновку и Песковатку, где они начали агитацию против бунтовщиков, обвиняя „забастовщиков“ в намерении осквернить и сжечь церковь, называя их „безбожниками“. Под предлогом защиты церкви от осквернения и кощунства, насилия над духовенством со стороны безбожников и бунтовщиков планировалось поднять верующих, а затем в шуме и суматохе устранить зачинщиков грабежа дворянских имений. Из домов причта были заранее вынесены вещи, а сами священники отбыли в Змеевку „будоражить людей“, настраивая их против бунтовщиков.

Утром 29 октября началось избиение „забастовщиков“ и погром их домов. В расправе над бунтовщиками участвовали крестьяне „черной“ половины Малиновки, совместно с крестьянами из соседних сел – Змеевки, Песковатки и Крутца. Вооружившись ружьями, топорами, вилами, ножами и ломami, они окружили Малиновку, перехватили все дороги»¹.

Приведем еще одно свидетельство. «Под покровом ночи поп Николаевский и дьякон Селезнев перенесли свои вещи в кулацкие дома. Сами отбыли в Змеевку, где будоражили людей, „искали спасения от готовившейся будто бы над ними расправы“. А рано утром подвух святых отцов раскрылся. Дома их загорелись изнутри, хотя были на запоре. Над Малиновкой зарделось зарево. Загудел тревожный набат. Толпа, заранее организованная богатеями, двинулась по улице. Впереди – торговцы, кулаки, уголовники, сынки помещиков. Полковники Свиридов и Янышевский снабдили их огнестрельным и холодным оружием – револьверами, берданками, шашками, вилами, ломami, тесаками, скребками, резаками, кувалдами, кольями,

¹ Ртищевская энциклопедия. Малиновское восстание // <http://wikirtishchevo.shoutwiki.com/wiki/>

ножами. В руках у первого громилы кулака Гурьянова – палка с насаженной на конце гайкой. С тех пор так и прозвали его Иваном Гайкиным. В волостном правлении, мимо которого проходила толпа, был буфет. Бесплатно угощали всех. „Пейте водки сколько хотите. Только порешите всех бунтовщиков, врагов царя и православной церкви“, – напутствовал псаломщик Архангельский. Из толпы вышел старик Егор Молоканов с ружьем. „Старшина Панкрашкин и батюшка уверяли, что забастовщики всех обращают «в шайтанскую веру» и жгут храм божий. Церковь же стоит невредимая. Обман. Здесь затевается грязное дело...“ – и Молоканов увел в Змеевку многих сбитых с толку людей, одурманенных проповедями о конце света и приходе дьявола. Мимо волостного правления ехал на коне С. Н. Шатаев. Староста Гурьянов остановил его и подал руку. Шатаев протянул свою. Гурьянов рванул его вниз, опрокинул на землю и ударил палкой. Налетели другие, воткнули в грудь вилы и добили кувалдой. Следом сняли с повозки Г. Макеева и убили его. Вывели из арестантской и убили М. Талалайкина. На шум на улице вышли посмотреть А. Ершов, П. Горин и А. Панкрашкин. Их тут же убили ударами тесака в голову. С. Поверинов с поднятыми руками шел навстречу толпе, пытаясь остановить убийства. Пьяные бандиты ударили его колом по голове, а торговец Ф. Грачев выстрелил из револьвера в лицо. Добили кувалдами, до полусмерти избили жену Поверина Анну. Из дома вышел П. Серебряков и тут же получил пулю из револьвера. Соседка П. Суворова закричала: „Что вы делаете? За что убиваете?“. Ее со всего размаху ударили дубиной, и она свалилась, мертвая, рядом с П. И. Серебряковым. Глухонемой Ф. Воронков доставал из колодца воду. Его ударили дубиной, воткнули в грудь вилы, а Грачев добил гирей. Плотник И. Серебряков шел на станцию Салтыковка. На огороде убили. Старшина В. Панкрашкин увидел своего племянника – Тихона Степановича и закричал: „Убейте Тихона, он из бунтарей!“. В Тихона выстрелили из ружей. Довершили: Гурьянов – палкой, садист Александрочкин ножом перерезал горло. Все это делалось в присутствии жены и маленькой дочери Тихона. Жестоко расправились черносотенцы и с Синевым. Федор Емельянович вышел навстречу пьяной ватаге и только успел спросить убийц, понимают ли они, что творят. Грачев прервал его слова выстрелами в лицо. Раненому вонзили в грудь вилы. Труп обезобразили. В избе Г. Мирошкина бандиты потребовали сына Кузьму. Его не оказалась дома. Гурьянов приказал старику открыть рот и сунул ему дуло ружья, готовясь выстрелить. Подошел Тарас Емельянович Синев и опросил: „За что казните Мирошкина?“. Гурьянов обрадовано крикнул: „Вот он, ура!“ – и ударил Тараса палкой. Мирошкина оставили, а Тараса выстрелили в лицо и раскололи голову тесаками. Племянника Ф. Е. Синева, семнадцатилетнего Артемия, двумя выстрелами убил Честнов. Отца Артемия Степана Емельяновича вывели к толпе на улицу, и Грачев выстрелил ему в глаз. Добили кольями и гирей. В избе Ф. Е. Синева разбили окна, посуду, вещи, вытряхнули из мешков муку, крича: „Она с забастовки“. Искали детей – Павла и Герасима, но они успели уйти из села. Жену Синева – Домну Пименовну мучили, затем семь суток держали в кутузке без пищи и воды. Жена П. С. Чигирева, Анна, приходилась двоюродной сестрой Гурьянову. Она на коленях умоляла ворвавшихся в избу погромщиков: „Не убивайте Павла Степановича. Иван Власович, пощади!“. Гурьянов наотмашь ударил Анну по лицу, а Павлу Степановичу вонзил вилы в грудь. Окровавленного за руки и ноги вытащили на улицу и там добили. Все это видел 15-летний Ваня Панкрашкин и со слезами закричал: „Что дядя Павел вам сделал?“. Кулак Шустров спокойно произнес: „Кто убьет этого щенка, плачу 25 рублей“. Из толпы послышался голос: „Мало“. „Плачу вдвойне“, – ответил Шустров. Раздались два выстрела из дробовиков прямо в лицо мальчика. Ваниного отца – Е. Панкрашкина с двух сторон вилами подхватили Гурьянов и Стариков, подняли и на полу добили. М. Д. Лисенкова растерзали на глазах жены, шестерых малых детей. С. Шубенина, И. Старикова, И. Шубенина, В. Талалайкина убили на окраине села и изуродовали их трупы. На выгоне перехватили И. П. Потрясова, Ф. Т. Корявова, троих из Песковатки – И. П. Петрова и его братьев. Их зверски убили. П. Литовкина и М. Смирнова привели к волостному правлению и прикрутили к коновязи. Гурьянов, Стариков, Чест-

нов, Шустров, Грачев и псаломщик Архангельский, как в спортзале на тренировке, с разбега и с размаху втыкали им вилы в грудь, а Александрочкин кинжалом распорол жертвам животы. Двое суток – 29–30 октября – пьяные черносотенцы глумились над семьями бедноты. На улицах Малиновки валялись 42 трупа честных тружеников. У них были выколоты глаза, отрезаны уши и носы, отрублены кисти рук, расколоты черепа, вспороты животы. Родных к трупам не подпускали, хоронить не разрешали. Тела подпольщиков стащили в овраг и свалили в общую яму. Более 50 домов в „соломенном крае“ села было разграблено и сожжено»².

Главный вывод из этой трагедии – столыпинское «утихомиривание» крестьянства 1903 года оказалось фикцией. Революционные настроения становились все сильнее. Ему оставалось опираться только на полицию, армию, казаков и черносотенные вооруженные отряды. «Избиение „красной“ части села Малиновки продолжалось два дня – 29-го и 30 октября. После оно перекинулось и на смежные селения. Всего, не считая большого количества искалеченных, было убито: в Малиновке 42 человека, в Песковатке – четыре и в Крутце – два человека.

Бунтовщики села Крутец, дав отпор черносотенцам, пошли на разгром хлебных складов, располагавшихся на станции Салтыковка. Однако там они были встречены карательными войсками полковника Зворыкина, который прибыл в ночь с 27-го на 28 октября с пятью ротами пехоты и с 325 казаками.

Увещевания в Саратовской губернии

30 декабря К. К. Максимович совместно с губернатором Столыпиным, решившим самостоятельно изучить малиновское дело, и отрядом казаков прибыл в Малиновку в качестве следователя. Казаки перекрыли все дороги и тропинки, держали под наблюдением балки и овраги, чтобы никто не мог укрыться или уйти из Малиновки. Волостной староста Панкрашкин и староста Гурьянов передали Столыпину список случайно оставшихся в живых 48 „неблагонадежных“ крестьян-бедняков»³.

² Куванов А. Малиновская трагедия: крестьянские волнения в 1905 году // Путь Ленина. 1981. 10; 11; 13; 14; 17; 18 февраля. Из сборника «Хранитель времени». Ртищево, 2012.

³ <http://wikirtishchevo.com/wiki/>

«Следствие „крамольников“ вел сам Столыпин. Поглаживая свою густую с проседью бороду, он сразу же переходил на сочную брань. Осыпанное оспинами лицо его наливалось кровью, в жгучих цыганских глазах горела ненависть. И он пускал в ход плетку, начинал производить, как он выражался, „врачующее кровопускание“. Привычные к плетке руки-клещи ударили жертву сильно, хотя от ежедневных экзекуций правая рука его плохо повиновалась – она начинала сохнуть. После 20–25 ударов Столыпин, обращаясь к И. Гурьянову, Я. Старикову, Ф. Грачеву, М. Честнову и Ф. Толкунову, говорил: „Ну-ка, братцы, продолжайте!“. И те продолжали истязать своих односельчан»⁴.

«Допросы бунтовщиков, во время которых применялись пытки, проводились в имении господ Кривских. Крестьян, в том числе несовершеннолетних, поролы нагайками, к телу прикладывали раскаленное железо, им отрубали пальцы рук и ног, отрезали уши, носы, вырывали волосы, щеки.

По результатам следствия 21 „неблагонадежный“ из Крутца и 48 „крамольников“ из Малиновки, в том числе Е. П. Брыков, братья И. Я. и П. Я. Коротковы, Н. Т. Мещеряков, Н. С. Шубенин и Ф. И. Коротков, были арестованы казаками из конной сотни Казурина и отправлены в саратовскую тюрьму. Вскоре 42 арестованных сослали в Тобольскую губернию, остальные провели в тюрьме два года. В „красной“ части Малиновки большое количество домов осталось совершенно без мужчин.

Черносотенцам Максимович и Столыпин объявили благодарность правительства „за верную службу царю и Отечеству“ и в качестве поощрения 23 бойцам вручили специально изготовленные медали-жетоны с надписью: „Бей – не пугайся!“. Медаль служила знаком, удостоверяющим принадлежность к черной сотне»⁵. Но главный урок, который можно из этого извлечь – в том, что такими методами победить невозможно. Огонь только разгорался.

После побоища в Малиновке в Саратов направили генерал-лейтенанта Виктора Сахарова, в недавнем прошлом – военного министра. Они со Столыпиным быстро нашли общий язык, а поселился генерал в губернаторском доме. Вместе они утихомирили самые «злостные гнезда». Труднее всего пришлось в селе Баланды. Там крестьянский сход хмуро встретил Сахарова и Столыпина – и только после трехчасовой беседы бунтари стали выдавать казакам зачинщиков. Вскоре генерал написал императору: «В Саратовской губернии успокоение наступило, и волнения проявлялись лишь незначительными вспышками». Опрометчивое заявление! 22 ноября к Сахарову, который жил в доме губернатора, на приём заявила просительница – немногословная женщина лет тридцати, которая представилась как пензенская помещица Софья Фокина, у которой крестьяне сожгли усадьбу. Ей удалось остаться наедине с Сахаровым в его кабинете на втором этаже и, вместо прошения о помощи, протянуть ему смертный приговор, подписанный членами боевой организации эсеров и хладнокровно расстрелять генерала. Это была Анастасия Биценко – убежденная социалистка-революционерка. Недавний военный министр умер в губернаторском доме. Это красноречивый пример того, что, несмотря на немалые вложения в полицию и драконовские карательные меры, Столыпину не удалось справиться даже с терроризмом в главном городе губернии. Но удивительным образом губернатору это убийство сошло с рук.

Восстания продолжались. «Крестьяне села Потьма под руководством братьев Мызниковых, Ряшина, Губина, Тельнова, Желнова, учителя Короткова разгромили хоромы и сожгли мельницу купца Кожевникова. Хлеб и скот раздали голодающим. Вскоре в селе появился губернатор Столыпин с сотней казаков. „Вы разорили дворянина, разграбили его добро, самовольно

⁴ Куванов А. Ртищевская земля пылала в огне // Путь Ленина. 1975. 28–29 октября, 1–4 ноября. Из сборника «Хранитель времени». Ртищево, 2012.

⁵ <http://wikirtishchevo.shoutwiki.com/wiki/>

вырубаете его лес, косите его хлеб. Выдайте мне зачинщиков. Если не назовете зачинщиков, буду считать вас всех грабителями и сурово накажу. Жду три минуты“, – горячился Столыпин на площади у церкви, куда согнали всех жителей села. „У нас нет зачинщиков!“ – раздался громкий мужской голос из толпы. „Начинайте!“ – крикнул казакам разъяренный губернатор. Пошли в ход нагайки. Столыпин сам бил крестьян и крестьянок по скулам и ушам, бил каблуками и пропарывал животы шпорами. Четырех запарол до полусмерти. Казаки вырывали у мужчин волосы из головы и бороды. Избивали даже 12—14-летних подростков. Сорок человек избили до потери сознания, а учителя В. Е. Короткова и восьмерых крестьян, как „вредных“, увезли в тюрьму»⁶.

Вот ещё сведения об «усмирении» в Саратовской губернии из статьи П. Засодимского «О крестьянских волнениях в 1905–1906 годах» (Северный край. 1922. Март – апрель). «В селе Малой Шитневке казаки при содействии местных черносотенцев жестоко избили крестьян, из которых четыре человека тут же умерли. Из числа избитых отобрали 12 человек и отправили под арест в село Романовку, но один из них дорогой умер и брошен в селе Дурнякине. В селе Сорокине казаки так неистовствовали, что даже вызвали протест одного из своих товарищей; казак вступился за избиваемых и прекратил зверскую расправу. В селе Киндоле, Ивановке и Ключах казаки избивали встречного и поперечного. В Ключах избивание крестьян казаками происходило в присутствии и по указанию земского начальника»⁷.

«Расправа в селе Чирикове (Балашовского уезда) особенно характерна; она может служить иллюстрацией к тем зверствам, какие совершались над несчастным народом. Здесь казаки плетью истязали крестьян, „били по чему попало“, по спине, по животу, по голове, били без счета. Из 70 человек мужского населения 50 подверглись этой пытке. Истязали стариков лет 60–65 и 17-летних мальчиков, истязали так, что несчастные не могли на другой день снять рубашку, прилипшую к мясу, так как кожа была содрана плетью. Казаками командовал полковник Зворыкин, давший честное слово, что – если беспорядки не прекратятся – все село будет разнесено пушками...»⁸

В губернском центре тоже было неспокойно. «14 октября 1905 года. Вечером у городской думы, где собралось до двух тысяч рабочих, произошло крупное столкновение с полицией и войсками. Большевицкая газета „Пролетарий“ так описала его: „Картина была грандиозной. Московская улица от Думы до Приютской улицы была запружена народом. Казаки стояли издали. Еще немного – и раздраженный народ двинулся к двери Думы. Наряд отлетел от дверей как мяч. Обнажились шашки, раздался резкий свист, а затем барабанный бой, и отряд казаков врехался в толпу... Шум, крики, грохот слились с выстрелами. В результате три человека убитых, 300 раненых и изуродованных; из опричников пало пять человек и ранено около 30 человек“»⁹. Столыпин закрыл газеты и фактически объявил комендантский час.

«16 декабря 1905 года. Телеграмма Николаю II от генерал-адъютанта Максимовича, отправленная из Саратова 16 декабря 1905 года в 8 часов 25 минут пополудни: „Вследствие отсутствия известий в последние дни революционные агитаторы распускали по городу ложные слухи об успехах революции в Москве. Слухи эти вызвали брожение между забастовавшими рабочими. Вчера, 15 декабря, большая толпа собралась на главной улице и двинулась к тюрьме с видимою целью освободить арестованных агитаторов и зачинщиков железнодорожной забастовки, но была разогнана казаками без употребления оружия. Сегодня, 16 декабря, толпа забастовщиков собралась в местности около института. Для ее рассеяния были вызваны

⁶ Куванов А. Ртищевская земля пылала в огне // Путь Ленина. 1975. 28–29 октября, 1–4 ноября. Из сборника «Хранитель времени». Ртищево, 2012.

⁷ Газета «Сын Отечества». 1905. № 226, 227 и 245. В статье Засодимского.

⁸ Газета «Сын Отечества». 1905. № 240. В статье Засодимского.

⁹ <http://elsso.ru/cont/his/234.html>

казаки и две роты пехоты. Когда казаки подъехали к толпе и предъявили к ней требования разойтись, то были встречены выстрелами, при чем был ранен один казак и одна лошадь. Беспорядочная стрельба со стороны толпы продолжалась некоторое время, не причинивши дальнейших потерь казакам, которые, спешившись, открыли огонь, и толпа рассеялась. До сих пор выяснено, что у мятежников шесть убитых и 15 раненых. В настоящее время беспорядков в городе нет. Но настроение рабочих тревожное. О чем всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству»¹⁰. «Восемь участников митинга были убиты на месте, 24 – тяжело ранены, из них семь умерло. Легкораненых насчитывалось гораздо больше»¹¹.

От других чиновников того времени он, безусловно, отличался энергией. Хотя, судя по личным письмам, и чувствовал обреченность собственного дела. «Июнь 1905 года. Саратовская губерния. Столыпин сам систематически разъезжал по уездам с эскадроном драгун и чинил жестокую расправу над крестьянами. В июне он совершил такую „прогулку“ по Балашовскому и Аткарскому уездам. Столыпин побывал в 21 селе, всюду подвергая крестьян поркам и арестам. В отчете министру он хвастался своими зверскими методами „успокоения“ деревни. „Все село почти сидело в тюрьме по моим постановлениям... Я занял дома наиболее виновных казаками, оставил там отряд оренбуржцев и учредил в этом селе особый режим“, – похвалялся Столыпин о своей расправе в селе Ивановке 2-й»¹².

«Октябрь 1905 года. Саратовская губерния. По официальным данным, в селе Вырыпаево, Петровского уезда, были убиты двое крестьян, а в селе Кондоле – один, близ деревни Сердобинки – два. Присланные в Сердобский уезд войска не раз открывали огонь по безоружным крестьянам. Даже по сообщению самого Столыпина, который, конечно, не раскрывает всей картины расправы, в дни после 20 октября в Сердобском уезде были убиты 51 крестьянин и 14 ранены. Полковника Зворыкина, под командованием которого находились в уезде 5,5 рот и более трех сотен казаков, губернатор называл „офицером выдающейся энергии“»¹³.

«27 ноября 1905 года. Саратовская губерния. Балашовский уезд. Село Дурныкино. Из телеграммы Николаю II от генерал-адъютанта Максимовича, отправленной из Ртищева 29 ноября 1905 года в 5 часов 9 минут пополудни: „Получив донесение о беспорядках в селе Дурныкино, Балашовского уезда, вчера вечером выехал туда с губернатором. По прибытии на место выяснилось, что 27 ноября на сельском сходе, созванном для убеждения крестьян возвратить похищенный у местного землевладельца лес, под начальником казачьего разъезда, хорунжим Федоровым, внезапно последовавшим выстрелом убита лошадь. После чего хорунжим было приказано девяти казакам разъезда открыть огонь по толпе, последствием чего было четверо убитых и десять раненых крестьян. Происхождение выстрела остается пока невыясненным, но есть некоторое основание предполагать, что выстрел произведен случайно неосторожно обращающимся с револьвером хорунжим. Все потерпевшие принадлежат к совершенно спокойной части населения, не принимавшей участия в аграрных беспорядках. Семьям убитых именем Вашего Величества выдано пособие“»¹⁴.

«24 декабря более 1200 забастовщиков Ртищевского узла приняли бой с двумя ротами солдат и казачьей сотней. Об этом столкновении полковник Зворыкин телеграфировал своему шефу: „...На станции Ртищево убито шесть и ранено до десяти человек, в селе Гривки убито два и ранено четыре человека, в имении Шимановской убито два человека“. 26 декабря Столыпин приказывал Зворыкину: „Продолжайте с неослабной энергией ликвидацию РСДРП, сове-

¹⁰ Революция 1905 года и самодержавие. Сборник документов. М. – Л., 1928. Стр. 182.

¹¹ <http://elso.ru/cont/his/234.html>

¹² Гохлернер В. М. Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской революции (1905–1907 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саратов, 1953. Стр. 136–137.

¹³ Гохлернер В. М. Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской революции (1905–1907 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саратов, 1953. Стр. 160, 164.

¹⁴ Революция 1905 года и самодержавие. Сборник документов. М. – Л., 1928. Стр. 175–176.

тов рабочих депутатов и других подобных групп, руководящих политическими забастовками и вообще революционным движением, не прекращая работы до полного их уничтожения“»¹⁵.

О расправе в Дурныкине есть и другие сведения. «27 ноября 1905 г. хорунжий 7-го Оренбургского полка с 8 казаками на крестьянском сходе в с. Дурныкине Балашовского уезда потребовал от крестьянского схода вернуть купцам Самародовым порубленный у них лес. От внезапно раздавшегося выстрела упала лошадь офицера, и тот приказал стрелять в толпу. 6 крестьян были убиты, 6 – тяжело ранены и 5 – легко ранены. По свидетельству крестьян, хорунжий сам застрелил свою лошадь. Вскрытие лошади подтвердило версию крестьян. 29 ноября в село приехали генерал-адъютант Максимович, губернатор Столыпин и прокурорский надзор. Семьям пострадавших Максимович и Столыпин пожертвовали 290 рублей. Так, тяжело раненый П. Ефремов, у которого ампутировали руку, получил 3 рубля. На его иждивении находились 10-летний сын и 80-летние родители. После убийства другого крестьянина остались сын 30 лет с семьей из 5 человек, сын 16 лет и дочь 10 лет. Им за смерть отца выдали 36 руб. 92 копейки». 24 мая 1905 года губернатор Столыпин запретил дальнейшую деятельность Санитарного общества, созданного ещё в 1874 году и отличавшегося особым радикализмом. Одновременно в Саратове была закрыта женская фельдшерская школа.

После Саратова Столыпин удостоился назначения на посты министра внутренних дел и первого министра Российской империи. За какие заслуги? «Успокоить» губернию он не смог, его покровитель Плеве уже был убит... В губернии восстания не прерывались, погиб Сахаров... И все это сошло Столыпину с рук. По-видимому, Николаю II потребовалась его энергичность. По сравнению с другими чиновниками он выигрывал по этому качеству.

При нём в 1906–1911 годах было закрыто 500 профсоюзов и отказано в регистрации 600 профсоюзам. Также были запрещены 978 газет и журналов.

Столыпин занялся подавлением революционного движения в России – хотя и не верил в жизнеспособность самодержавия. Для этого он организовал военно-полевые суды – средство для быстрой расправы над неблагонадежными. «9 августа (1 сентября) 1906 года по инициативе П. А. Столыпина в порядке междумского законодательства в соответствии с 87 статьей Основных законов Российской империи было принято «Положение Совета министров о военно-полевых судах», с целью ускорения судопроизводства по делам о гражданских лицах и военнослужащих, обвиняемых в разбое, убийствах, грабеже, нападениях на военных, полицейских и должностных лиц и в других тяжких преступлениях, в тех случаях, когда за очевидностью преступления нет необходимости в дополнительном расследовании. То есть захваченных на месте преступления, или виновность коих в совершении, или покушении, или приготовлении террористического акта (нападение на чинов полиции, патрули, нападение с целью грабежа, нахождение взрывчатых снарядов и пр.) очевидна по мнению администрации. Военно-полевые суды вводились как чрезвычайная мера в борьбе с революционными выступлениями и террористическими актами, число которых в 1906 году возросло. Непосредственным поводом послужил взрыв дачи Столыпина на Аптекарском острове 12 августа 1906 года, при котором погибли 27 человек и были ранены 32 человека, в том числе сын и дочь Столыпина.

Военно-полевые суды вводились в местностях, объявленных на военном положении или положении чрезвычайной охраны. За 1906–1907 годы они были введены в 82 губерниях из 87, переведенных на военное положение или положение чрезвычайной охраны.

Военно-полевой суд состоял из председателя и четырёх членов суда, назначаемых из строевых офицеров начальником местного гарнизона (командиром порта) по приказу генерал-губернатора или главнокомандующего. Предварительное следствие не проводилось, вместо него использовались материалы Охранного отделения или жандармского управления.

¹⁵ Куванов А. Ртищевская земля пылала в огне // Путь Ленина. 1975. 28–29 октября, 1–4 ноября.

Обвинительный акт заменялся приказом о предании суду. Судебное заседание проводилось без участия в нём прокурора (функцию которого перенимали судьи), защитника (обвиняемый должен был защищать себя сам) и без свидетелей защиты при закрытых дверях, при этом допускались допросы свидетелей со стороны обвинения (чаще всего в их роли выступали чины полиции). Приговор должен был выноситься не позже чем через 48 часов и в течение 24 часов приводиться в исполнение по распоряжению начальника гарнизона. Осуждённые имели право подавать прошение о помиловании, однако 7 декабря 1906 года военное министерство отдало распоряжение «оставлять эти просьбы без движения». За восемь месяцев своего существования военно-полевые суды вынесли 1 102 смертных приговора.

Кроме того, 2694 человека были повешены в 1906–1909 годах по приговорам военно-окружных судов¹⁶.

Предшественник Столыпина на посту премьера – Сергей Витте – так оценивал его деятельность: *«Никто столько не казнил и самым безобразным образом, как он, Столыпин, никто не произволил так, как он, никто не оплевал так закон, как он, никто не уничтожил так, хоть видимость правосудия, как он, Столыпин, и все, сопровождая либеральными речами и жестами... Столыпин казнит совершенно зря: за грабёж лавки, за кражу 6 рублей, просто по недоразумению... Можно быть сторонником смертной казни, но столыпинский режим уничтожил смертную казнь и обратил этот вид наказания в простое убийство, часто совершенно бессмысленное, убийство по недоразумению. Одним словом, явилась какая-то мешанина правительственных убийств, именуемая смертными казнями... Всякие убийства с точки зрения человеческой, нравственных принципов, не могут быть оправданы, тем не менее, убийства во всех видах постоянно производятся; многие из этих убийств производятся лицами, власть имущими. Так, между тысячами и тысячами людей, которые были казнены во время премьерства Столыпина, десятки, а может быть, сотни людей были казнены совершенно зря, иначе говоря, эти люди были убиты властью, которую Столыпин держал в своих руках».*

Кроме военно-полевых судов, действовали военно-окружные суды, которые с 1907 года по 1909 год вынесли 4232 смертных приговора. «В самом остром, пробном для человеческой совести, вопросе помилования приговорённых к смерти, Николай и Столыпин оказались достойными друг друга... Николаю не хотелось получать изо дня в день просьбы о помиловании; никому неприятно вечное напоминание о его порочных привычках. Поэтому он сложил единственную драгоценность царей – право миловать – на Столыпина, а тот был так жесток и груб душой, что принял это право с предвзятой мыслью не пользоваться им. Вот чем объясняются систематические отказы на просьбы бесчисленных русских *morituri* и безнаказанность генерал-губернаторов, введших типический для русской реакции институт административной казни. Для видимости, каждая просьба о помиловании совершала цикл по канцеляриям, а Столыпин покойно отвечал на мольбы и запросы, что «не от него зависит отказ». Он становился как бы наёмным убийцей, безнаказанность которому гарантировалась». (22. Обнинский В. П. «Последний самодержец». Берлин. 1912. С. 367, 371).

Для создания массового слоя народа, верного самодержавию, Столыпин затеял аграрную реформу, сразу вызвавшую острый протест Льва Толстого, призывавшего премьера к преобразованиям в социалистическом духе. Но для Столыпина было важно укрепить класс «кулаков», землевладельцев, которых сельчане называли мироедами. По закону передел земли в общине происходил раз в 12 лет. С 1908 года переделы стали постоянными, ибо по новому закону их производили по требованию даже одного общинника, пожелавшего выделить надел или уехать за Урал. А такой передел означал передвижку всех крестьянских земель. Вот почему 3/4 тех, кто пожелал выйти из общины, не получили согласия сельских сходов. Но между губернато-

¹⁶ https://scepsis.net/library/id_771.html

рами шло открытое соревнование за процент «выделившихся», и они принуждали крестьян силой. И это касалось уже не тысяч, а миллионов...

Один из губернаторов уведомлял земских чиновников, что «оценка их служебной деятельности, по распоряжению господина министра внутренних дел, будет производиться исключительно в зависимости от хода и постановки дела применения Высочайшего указа 9 ноября 1906 года»...

Что же получилось из «грандиозной» столыпинской аграрной реформы?

Во-первых, ситуация приняла принципиально иное направление, нежели это задумывалось ее творцами. Не выделение «сильных и трезвых», не создание слоя «крепких хозяев», которые могли бы стать опорой режима, а исход из общины прежде всего «пьяных и слабых». Из 15 млн. крестьянских дворов из общины вышло 26 % хозяев, т. е. четверть. Но принадлежало им лишь 16 % наделной земли. 40 % выделенной земли сразу продали, и это четверть всей земли, перешедшей в личное владение. По данным А.П. Карелина, 2,5 млн. хозяев лишь формально вышли из общины, т. е. укрепили свои наделы, но в составе общинных земель.

Иными словами, с точки зрения тех задач, которые ставились перед нею, реформа *провалилась*.

Во-вторых, оказавшись недостаточной для решения аграрного вопроса, реформа стала вполне эффективной для того, чтобы разрушить привычные устои деревенской жизни, т. е. большинства населения в России. Миллионы вышедших из общины, покинувших отчие дома и переселявшихся за Урал, массовая продажа полосок, постоянные переделы и новое землеустройство – все это создавало атмосферу неустойчивости и всеобщей истерии. А невозможность противостоять издевательствам и насилию, ощущение бессилия против несправедливости – по всем законам социальной психологии – рождало лишь злобу и ненависть. Столыпин хотел принести успокоение, но принес лишь новое всеобщее озлобление. Это и стало одной из главных причин того глубокого нравственного кризиса, в который была ввергнута Россия...

И третья. Как следствие всего сказанного выше, именно в этот период происходит окончательный поворот на ту дорогу, которая приведет Россию к новой революции. Реформы, как известно, бывают разные. Одни предотвращают революционный взрыв. Другие, наоборот, лишь ускоряют революционный процесс, и столыпинская аграрная реформа сыграла именно такую роль.

Аграрная реформа сделала то, чего не смогла сделать революция. Ибо даже в моменты ее наивысшего подъема оставались регионы и социальные слои, стоявшие как бы вне общего движения. Реформа внесла вопрос о собственности и о земле в каждый крестьянский дом. Смута вошла в каждую семью. И не случайно наиболее умные и богатые, на которых рассчитывал Столыпин, остались в общине. Также не случайно и то, что даже самые правые крестьяне, как только в Думе речь заходила о земле, фактически выступали с программой «черного передела». Член Государственного совета М.В. Красовский, выступая на Госсовете с докладом по Указу 9 ноября, с горечью отмечал: *«Оказалось, что вместо степенных мужиков, которых думали получить в Думу в качестве представителей крестьянства, явилась буйная толпа, слепо идущая за любым руководителем, который разжигает ее аппетиты»*.

И весь опыт восьми лет реформы показал крестьянам, что ждать решения аграрного вопроса от власти – бессмысленно».

Столыпин осознавал, что нищета русского крестьянства опасна для государства. Стало ли крестьянство богаче в результате его политики? Обратимся к фактам:

«П. А. Столыпин, как глава правительства, разделяет вину самодержавия и за политику ограбления деревни, намного усилившегося во время его премьерства. Царизм не мог простить российскому крестьянству вырванную им отмену с 1907 г. выкупных платежей, вызвавшую понижение казенного налога на наделную землю на 64 млн. руб. Одновременно начался рост других налогов. Так, косвенные налоги на водку, сахар, табак и пр. возросли за 1907–1912 гг.

на 48 млн. руб., а всего прямых и косвенных налогов, таможенных и промысловых сборов с крестьян Европейской России взыскано было 3,7 млрд. руб.

За купленную землю Крестьянскому и частным земельным банкам в качестве очередных платежей и штрафов за их просрочку крестьяне уплатили 390 млн. руб. За заложенные в Крестьянском банке 15,8 млн. дес. земли годовые платежи в 1913 г. составили 81 млн. руб. вместо прежних выкупных платежей в сумме 64 млн. руб. за 90 млн. дес. наделной земли.

Возрастали арендные цены на вненадельные земли. Если в 1907 г. крестьяне Европейской России платили за арендованную землю 253 млн. руб., то в 1912 г. – уже 338 млн, а за все шесть лет уплатили помещикам, купцам, уделам и казне приблизительно 1,8 млрд. руб.

Жалкой подачкой по сравнению с выкачанными из деревни суммами представляют собой 32 млн. руб., предоставленные непосредственно крестьянам при их единоличном землеустройстве. Правительство Столыпина, а затем Коковцова проводило политику сохранения и активной защиты помещичьего землевладения. Законы рыночной экономики вовлекали в торговый оборот значительную часть и этого землевладения, причем тем сильнее, чем быстрее росли цены на землю. Дворяне за 1906–1914 гг. продали 17,5 млн. дес., но покупатели из того же сословия приобрели 7,3 млн. дес. – убыль составила 10,2 млн. Но и к 1915 г. дворянское землевладение занимало огромную площадь в 39,6 млн. дес., при этом 11,1 млн. дес. земли оставались у купцов и почетных граждан. Главным же было то, что в частном землевладении, насчитывавшем к 1915 г. 73 млн. дес. в 47 губерниях, преобладали крупные, свыше 500 дес., латифундии – 71 % от общего числа. На каждого владельца латифундии в среднем приходилось 2354 дес. Средний же надел крестьянского двора составлял в 1905 г. 7,7 дес., а к 1915 г. он еще более понизился. Кардинальный вывод: земельный вопрос не только не был разрешен, но еще более обострился. Столыпинская реформа не могла снять и не устранила этого главного вопроса жизни российского крестьянства начала XX в.»¹⁷.

По инициативе Столыпина был осуществлён государственный переворот 3 июня 1907 года. Он состоял в досрочном роспуске II Государственной Думы и произвольном изменении избирательного закона для выборов следующей Госдумы. На изменение избирательного закона по своему желанию император не имел права по 87 статье основных законов Российской империи.

Для организации разгона Госдумы Столыпин использовал полицейских провокаторов. 29 апреля 1907 года в Политехническом институте состоялось собрание солдат, на собрании присутствовал депутат Думы социал-демократ Л. Ф. Герус. Собрание постановило составить «солдатский наказ», рассказывающий о трудностях военной службы, и с делегацией передать его депутатам социал-демократической фракции Думы. Написание солдатского наказа было поручено социал-демократу В. С. Войтинскому.

Военная организация находилась под тщательным надзором полиции, два её участника – Екатерина Шорникова и Болеслав Бродский – были полицейскими информаторами. Слежку за Военной организацией координировал сотрудник Охранного отделения полковник В. И. Еленский.

Документ, названный *«Наказ воинских частей петербургского гарнизона в социал-демократическую фракцию Государственной думы»*, оказался в руках Екатерины Шорниковой, исполнявшей в Военной организации обязанности делопроизводителя. Шорникова немедленно сообщила о событиях полковника Еленского, Еленский доложил начальнику отделения полковнику А. В. Герасимову, а тот немедленно информировал премьер-министра П. А. Столыпина.

Столыпин проявил неожиданную заинтересованность в деле и потребовал раздобыть копию «наказа»; Шорникова изготовила две копии, на одну из которых поставила печать Воен-

¹⁷ <https://cyberleninka.ru/article/n/2003-02-006-anfimov-a-m-p-a-stolypin-i-rossiyskoe-krestyanstvo-m-iri-ran-2002-300-s>

ной организации. Ознакомившись с документом, Столыпин отдал распоряжение арестовать депутатов от РСДРП с поличным в момент визита к ним солдатской делегации. Задача не представлялась особенно сложной – все участники Военной организации были известны Охранному отделению, за ними велось агентурное наблюдение.

Солдатская делегация отправилась к социал-демократам вечером 5 мая. Штаб-квартира думской фракции РСДРП, снимаемая на имя депутата И. П. Озола, располагалась в меблированных комнатах «Сан-Ремо» в доме 92 на Невском проспекте. По неизвестным причинам полковник Еленский со своими сотрудниками замешкался, и полиция ворвалась в квартиру после того, как солдаты из неё ушли. В квартире оказалось 35 человек, в том числе пять депутатов Думы.

Полиция не имела права ни арестовать депутатов, ни начинать выемку документов до прибытия судебного следователя; всё, на что решились полицейские – задержать депутатов в квартире до прибытия судебных властей. Хотя полиция не обыскивала и не задерживала депутатов, обыск в квартире, снимаемой депутатом, также представлял собой нарушение парламентской неприкосновенности. Затем полиция незамедлительно арестовала в казармах солдат – участников делегации. Текст наказа, содержащий разного рода жалобы, *«...как запирает начальство солдат в каменные клетки-казармы, как мучает их непосильной и ненужной работой, как терзает их бессмысленными учениями...»*, не производил впечатления свидетельства о серьёзном противоправительственном заговоре.

Депутаты левых фракций внесли два спешных запроса правительству с требованиями объяснений по поводу обыска 5 мая. Столыпин не стал уклоняться от ответа и немедленно, без всякой подготовки, сделал заявление. Он сказал, что *«...полиция и впредь будет также действовать, как она действовала»*. Далее Столыпин перешёл к принципиальным вопросам: *«Я должен сказать, что кроме ограждения депутатской неприкосновенности, на нас, на носителей власти, лежит ещё другая ответственность – ограждение общественной безопасности. Долг этот свой мы сознаём и исполним его до конца»*.

20 мая министр юстиции И. Г. Щегловитов объявил правительству о нахождении при обыске 5 мая документов, свидетельствующих о групповом участии членов Думы – социал-демократов – в противоправительственном заговоре.

1 июня, в пятницу, правительство неожиданно выдвинуло Думе ультиматум. Столыпин, присутствовавший на заседании Думы, попросил объявить заседание закрытым. Затем представитель прокуратуры зачитал постановление судебного следователя о привлечении к ответственности всей социал-демократической фракции Думы на основании результатов обыска 5 мая. Выступивший после этого Столыпин пояснил требования правительства: Думе предлагалось отстранить 55 депутатов от участия в заседаниях, а с 16 депутатов снять парламентскую неприкосновенность.

Столыпин завершил свою речь словами: *«...какое бы то ни было промедление в удовлетворении этого требования или удовлетворение его в неполном объёме поставит правительство в невозможность отвечать за безопасность государства»*.

Дума категорически отказалась ответить на правительственный ультиматум немедленно, под председательством кадета А. А. Кизеветтера была создана специальная комиссия из 22 депутатов, которой следовало разобраться в деталях обвинения социал-демократов и доложить своё суждение Думе. Заседание продолжалось до глубокой ночи.

На следующий день комиссия начала свою работу. В комиссию прибыл представитель прокуратуры, и члены комиссии приступили к внимательному рассмотрению множества документов, изъятых у социал-демократов, и актов следствия. К вечеру А. А. Кизеветтер доложил, что комиссия не успевает закончить работу ни сегодня, ни в воскресенье, 3 июня. Дума постановила собраться вновь в понедельник 4 июня.

Тем временем Николай II подписал подготовленные правительством указы и сопроводил их напутствием: *«Я ждал целый день известий ваших о роспуске проклятой Думы. Но вместе с тем сердце чуяло, что дело выйдет нечисто, а пойдёт в затяжку. Это недопустимо. Дума должна завтра, в воскресенье утром, быть распущена. Решимость и твёрдость»*.

Утром 3 июня 1907 года пришедшие в Таврический дворец депутаты обнаружили, что он закрыт, охраняется полицией, а на дверях прикреплён императорский манифест о роспуске Думы. 37 депутатов Государственной Думы были арестованы в ночь со 2 на 3 июня, непосредственно в тот момент, когда вступил в силу императорский указ о роспуске Думы и они лишились парламентской неприкосновенности.

В декабре 1907 года Особое присутствие Правительствующего Сената вынесло приговор по делу депутатов II Думы. 11 человек были осуждены на 5 лет каторги с последующей ссылкой, 15 человек получили по 4 года каторги с дальнейшей ссылкой, 12 подсудимых были сосланы на поселение. Бывшие депутаты распущенной Госдумы А. Л. Джапаридзе, В. Д. Ломтатидзе и С. М. Джугели умерли в тюрьме, Г. Ф. Махарадзе сошёл в тюрьме с ума. Бывший депутат Г. Е. Белоусов в 1911 году из ссылки бежал, но умер в 1916 году. Судьба бывших депутатов А. В. Архипова, М. Н. Вовчинского, А. В. Калинина, И. А. Петрова, Ф. И. Приходько, К. А. Рубана неизвестна. Остальные осуждённые после заключения оказались в ссылке, где и находились до Февральской революции.

Столыпин был интриган, позёр, фразёр и уникальный самопиарщик. Стоит только вспомнить его высказывание: «Дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России». К кому обращался этот фигляр? Ведь Столыпин никогда не занимался вопросами внешней политики, обороны, финансов. То есть это обращение в никуда. Или к несуществующему богу или к императору, который не собирался давать России никакого покоя и даже не думал об этом. А имели ли 20 лет покоя, например, Григорий Потёмкин или Алексей Косыгин? Громкая и утопическая фраза! Да, он был мастером саморекламы – это единственный талант, к которому можно добавить жестокость, решительность в проведении репрессий. В смысле посадок, ссылок и казней он был последователем своего учителя – фон Плеве. Только Плеве не дали так развернуться...

Или вот ещё высказывание Столыпина: «Правительство должно избегать лишних слов, но есть слова, выражающие чувства, от которых в течение столетий усиленно бились сердца русских людей. Эти чувства, эти слова должны быть запечатлены в мыслях и отражаться в делах правителей. Слова эти: неуклонная приверженность к русским историческим началам в противовес беспочвенному социализму». (16 ноября 1907 г.). Это что за русские исторические начала? Да наверняка, как вещал в другой своей речи Столыпин, что свободная Россия, это Россия преданная как один человек своему Государю. (11 февраля 1909 г.).

Точную этическую характеристику Столыпину дал Лев Николаевич Толстой. В одном из вариантов статьи «Не могу молчать» он писал: «Знаю я, что все люди – люди, все мы слабы, все мы заблуждаемся и что нельзя одному человеку судить другого. Так я думал, чувствовал и долго боролся с тем чувством негодования и отвращения, которое возбуждали и возбуждают во мне все эти председатели военных судов, Щегловитые, Столыпины и Николаи. Но я не хочу больше бороться с этим чувством. Не хочу, во 1-ых, потому, что дела этих людей дошли теперь до того предела, при котором не осуждение, а обличение людей, довольных своей порочностью, гадостью, окруженных людьми, восхваляющими их за их гадость, необходимо и для них самих и для той толпы людей, которая не разбирая подчиняется общему течению. Не хочу бороться, во 2-ых (откровенно признаюсь в этом), потому, что надеюсь, что мое обличение их вызовет желательное мне извержение меня тем или иным путем из того круга людей, среди которого я живу, или вообще из круга живых людей. Жить так и спокойно смотреть на это для меня стало совершенно невозможно.

Обращаюсь ко всем участникам непрестанно совершающихся под ложным названием закона преступлений, ко всем вам, начиная от взводящих на виселицу и надевающих колпаки и петли на людей-братьев, на женщин, на детей, и до вас, двух главных скрытных палачей, своим попустительством участвующих во всех этих преступлениях: Петру Столыпину и Николаю Романову.

Опомнитесь, одумайтесь. Вспомните, кто вы, и поймите, что вы делаете.

Ведь вы, прежде чем быть палачами, премьерами, царями, прежде всего люди и братья людей, нынче выглянули на свет божий, завтра вас не будет. (Вам-то, вызвавшим и вызывающим к себе, как палачи, так и вы, особенную ненависть, вам-то особенно надо помнить это.) Неужели вам, выглянувшем на этот один короткий миг на свет божий – ведь смерть, если вас и не убьют, вот она всегда у всех нас за плечами, – неужели ваше призвание в жизни может быть только в том, чтобы убивать, мучать людей, самим дрожать от страха убийства и лгать перед собой, перед людьми и перед богом, что вы делаете всё это по обязанности для какой-то выдуманной несуществующей цели, для выдуманной именно для вас, именно для того, чтобы можно было, будучи злодеем, считать себя подвижником выдуманной *России*.

Вы говорите, что вы боретесь с революцией, что вы хотите водворить спокойствие, порядок, но ведь если вы не дикие звери, а хоть немного добрые и разумные люди, вы не можете верить тому, что вы говорите. Как! вы водворите спокойствие тем, что разрушите в людях всякие последние остатки христианства и нравственности, совершая – вы, представители власти, руководители, наставники – все самые величайшие преступления: ложь, предательство, всякого рода мучительства и последнее, вечно противное всякому человеку, не потерявшему последние остатки нравственности – не убийство, а убийства, бесконечные убийства, одеваемые в какие-то такие лживые одежды, при которых убийства переставали бы быть преступлениями. <Вы> говорите, что это единственное средство погашения революции, успокоения народа. Разве вы можете верить в то, что, не удовлетворяя требованиям, определенным требованиям всего русского народа и признанным уже большинством людей требованиям самой первобытной справедливости, требованиям уничтожения земельной собственности, не удовлетворяя даже и другим требованиям молодежи, напротив того, раздражая народ и молодежь, вы можете успокоить страну убийствами, тюрьмами, ссылками? Вы не можете не знать, что, поступая так, вы не только не излечиваете болезнь, а только усиливаете ее, загоняя ее внутрь. Ведь это слишком ясно. Этого не могут не видеть дети. Вы говорите, что революционеры начали, что злодейства революционеров могут быть подавлены только такими же мерами. Но как ни ужасны дела революционеров: все эти бомбы, и Плеве, и Сергей Александрович, и те несчастные, неумышленно убитые революционерами, дела их и по количеству убийств и по мотивам их едва ли не в сотни раз меньше и числом и, главное, менее нравственно дурны, чем ваши злодеяния. В большинстве случаев в делах революционеров есть, хоть и часто ребяческое, недуманное желание служения народу и самопожертвование, главное же, есть риск, опасность, оправдывающая в их глазах, глазах увлекающейся молодежи, оправдывающая их злодеяния. Не то у вас: вы, начиная с палачей и до Петра Столыпина и Николая Романова, руководимы только самыми подлыми чувствами: властолюбия, тщеславия, корысти, ненависти, мести. Сначала я думал про Петра Столыпина, когда имел наивность предлагать ему выступление с проектом освобождения земли от собственности, что он только ограничен и запутан своим положением, думал и про Николая Романова, что он своим рождением, воспитанием, средой доведен до той тупости, которую он проявлял и проявляет в своих поступках, но чем дольше продолжается теперешнее положение, тем больше я убеждаюсь, что эти два человека, виновники совершающихся злодейств и развращения народа, сознательно делают то, что делают, и что им именно, находящимся в той среде, где они, вследствие своей возможности удовлетворять

желаниям окружающих их людей, живут в постоянной атмосфере лести и лжи, что эти два человека больше каких-нибудь других нуждаются в обличении и напоминании»¹⁸.

В неотправленном письме Столыпину от 30 августа 1909 года Толстой опять дал свою оценку премьеру Российской империи: «Пишу вам об очень жалком человеке, самом жалком из всех, кого я знаю теперь в России. Человека этого вы знаете и, странно сказать, любите его, но не понимаете всей степени его несчастья и не жалеете его, как того заслуживает его положение. Человек этот – вы сами. Давно я уже хотел писать вам и начал даже письмо писать вам не только как к брату по человечеству, но как исключительно близкому мне человеку, как к сыну любимого мною друга. Но я не успел окончить письма, как деятельность ваша, всё более и более дурная, преступная, всё более и более мешала мне окончить с непритворной любовью начатое к вам письмо. Не могу понять того ослепления, при котором вы можете продолжать вашу ужасную деятельность – деятельность, угрожающую вашему материальному благу (потому что вас каждую минуту хотят и могут убить), губящую ваше доброе имя, потому что уже по теперешней вашей деятельности вы уже заслужили ту ужасную славу, при которой всегда, покуда будет история, имя ваше будет повторяться как образец грубости, жестокости и лжи»¹⁹.

Премьер-министр Столыпин

В своей политике Столыпин опирался на платных агентов, которых внедряли в «неблагонадежную» среду. «В правление Столыпина в Департаменте полиции система провокаций приняла размеры, невиданные ни до, ни после, ни в империи, ни во всем мире...

¹⁸ tolstoy.ru/online/online...ne-mogu-molchat...

¹⁹ «. <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1909-iyul-dekabr/letter-97.htm>

12 октября 1909 года премьер П.А. Столыпин представляет царю «всеподданнейший» доклад, касавшийся секретного агента Зинаиды Федоровны Жученко, работавшей в охране с 1893 года. В подробном докладе Столыпин информирует царя о перипетиях агентурной деятельности Жученко как в России, так и за границей. В связи с тем, что летом 1909 года эмигранту Бурцеву удалось разоблачить Жученко, Столыпин просит всемилостивейшего пожалования Зинаиде Жученко из секретных сумм Департамента полиции пожизненной пенсии в размере 3600 руб. в год, применительно к размеру получавшегося ею за последние годы жалованья...

8 июня 1906 года на заседании I Государственной думы министру внутренних дел Столыпину все-таки пришлось отвечать на депутатский запрос о печатании «воззваний с призывами к погромам» в тайной типографии в Департаменте полиции. Объяснения министра были путаны и неубедительны. После Столыпина выступил князь Сергей Дмитриевич Урусов, бывший тверской губернатор и бывший товарищ министра внутренних дел: «Когда собирается где-нибудь кучка незрелых юношей, которая провозглашает анархические принципы, вы на эту безумствующую молодежь сыплете громы, ополчаетесь пулеметами. А я думаю, что та анархия, которая бродит в юных умах и гнездится в подполье, в потаенных углах и закоулках, во сто крат менее вредна, чем ваша сановная анархия»...

Тем временем министр внутренних дел Столыпин с санкции... премьер-министра Столыпина решил продолжать охоту на министров. Новой жертвой должен был стать бывший министр финансов и премьер-министр Сергей Юльевич Витте. К подготовке покушения были подключены генерал Трепов, начальник Санкт-Петербургского охранного отделения полковник Герасимов и некоторые другие крупные деятели.

Непосредственно с террористами общался жандармский ротмистр Комиссаров, который ранее работал в Азефом. За ликвидацию Витте взялся полицейский агент А.Е. Казанцев. Он подговорил убить Витте двух молодых рабочих – В.Д. Федорова и А.С. Степанова, не состоявших ранее в революционных организациях. Казанцев представился рабочим в качестве эсера. Разумеется, партия эсеров ничего не знала об этой затее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.